

В САМОЙ душе, в самом творчестве Шалаяпина отразилось многое из того, что сформировало, наполнило жизненными соками русский характер: многовековая трудная история нашего народа, раздольная широта русских степей, веселые, а чаще суровые и мрачные леса и разнообразный климат. Знаменитая балерина Г. Уланова писала: «Когда пел Шалаяпин, слушателям казалось, что поет сама Россия: неоглядные дали, сила, размах и масштабность страны, огромный потенциал ее народа и в то же время удивительная мягкая задушевность и простота превращали столь национальный, «чисто русский» дар Шалаяпина в общечеловеческое, интернациональное искусство, одинаково всем дорогое и одинаково всем понятное».

В начале нашего века в прессе обыгрывался эпизод, связанный с тем, что Горький несколько недель в Казани пел в оперном хоре, а чуть позже в него захотел поступить Шалаяпин, но ему отказали: у него в то время ломался голос. Тогда же писали, что они в юности вместе проходили нестерпимо тяжелые «университеты» жизни, пока не выжились в «люди», утверждали, что «однажды, когда облаченный в кавказский наряд Шалаяпин готовился выползть диким зверем из-за кулис во втором действии «Демона», М. Горький в этом же спектакле запевал «Ноченьку» (Э. Старк). На самом деле они познакомились лишь в 1900 году, а потом — почти на всю жизнь — и подружился. Но судьба так распорядилась ими, что даже географическая их жизнь протекала нередко вблизи друг от друга. Шалаяпин вспоминал, что они «встречались, не будучи знакомыми, в ранние годы»: в то время, когда он «мальчиком был в Казани отдан в учение к сапожнику Андрееву, который жил на углу Малой Паромной улицы, Горький на другом углу параллельной Большой Паромной улицы работал в пекарне».

У них было немало взаимно притягивающего — широта души, отзывчивость, прямота, они делились сокровенным ми мыслями, помогали друг другу, и даже во времена разрывов и последовавшего в конце жизни разрыва отношений они продолжали высоко ценить друг друга. «Не было у отца более любимого друга, чем А. М. Горький», — писала Ирина Федоровна Шалаяпина. — «... Отец был влюблен в Горького, преклонялся перед его умом и знаниями. Ему только открывал он до конца свою душу, с ним советовался, у него искал в тяжелые минуты опоры и защиты». В 1913 году он писал Горькому: «Очень жалко мне, что на Капри пришлось побыть мало. Так хорошо я себя чувствую, побыв с тобой, как будто выпил живой воды. Эх ты, мой милый Алексей, люблю я тебя крепко; ты — огромный костер — и светишь ярко и греешь тепло».

Шалаяпин впервые посетил Америку в 1906 — 1908 годах, она его неприятно поразила безудержной погоней за деньгами. «Всякие же американцы и т.п. двуногие, — писал он, — меня разочаровали весьма — золото и золото — людей если не совсем нет, так мало, что хоть в микроскоп их разглядывай». Ему бросилась в глаза духовная ограниченность американцев: «искусство для них только забава», «искусства там нет нигде и никакого». Шалаяпин сделал вывод: «Да, когда поездишь там да сям, так оно и видно, что азиаты-то больше они, чем мы». Он чувствовал себя в США скверно и так говорил об американской свободе: «Не дай Бог, если Россия когда-нибудь доживет именно до такой свободы, — там дышать свободно и то можно только с трудом».

На чужбине он говорил своим близким: «Умру — похороните меня на Родине, на берегу родной Волги».

Одной из привлекательных черт Шалаяпина была правдивость: «он не переносил лжи — физически не умел лгать». Импресарио Л. Д. Леонидов сказал о нем: «А знаешь ли вы, что не было артиста более совестливого, более правдивого, скажем прямо, честного по отношению к самому себе, чем Шалаяпин?» Шалаяпин был остроумен, неравнодушен к забавным анекдотам, к розыгрышам, создавал ядовитые карикатуры на Николая II, любил шутить, в том числе и над собой, рисовал комические автошаржи. В его характере были и парадоксальные противоречия. Бесконечно добрый, он помогал студентам и артистам, мог подарить крупную сумму денег нуждающемуся человеку и вместе с тем спорить, ссориться с художником К. А. Коровиным из-за цены покупаемой у него картины. Очень самолюбивый, он расстроивался, если проигрывал в бильярд. По свидетельству его дочери Ирины, «во что бы он ни играл, он хотел непременно выиграть... чтобы испытать чувство победителя».

В трагические годы гражданской войны Шалаяпин участвовал во многих общественных мероприятиях, «выступал перед матросами, рабочими, красноармейцами, врагов революции возмущало то, что он принял звание народного артиста от большевистского правительства и не бросил награду «назад в лицо Луначарскому». В январе 1921 года Горький и Шалаяпин написали воззвание к гражданам Америки, в котором просили помочь русским детям, страдающим от голода, продовольствием и медикаментами. 6 августа этого же года в газете «Известия» Шалаяпин призывал: «На помощь! На помощь голодным людям, кто чем может!»

В первые годы советской власти Шалаяпин не терял оптимизма. Он писал дочери Ирине: «Вообще жизнь очень тяжелая, но я

не унываю и, в сущности, не обвиняю никого. Революция — революция и есть! Конечно, есть масса невежества, но идеи мне кажутся светлыми и прекрасными, и если их будут со временем осуществлять хорошим, здоровым способом, то можно думать, что все человечество заживет когда-нибудь действительно прекрасной жизнью. Дай Бог! При всех нелепостях, которые сейчас творятся, я все-таки отдаю должное большевикам. У них есть какая-то живая сила и масса энергии. Если бы массы были более обогорожены, то дело пошло бы, конечно, и лучше, и целесообразнее».

Вместе с тем Шалаяпин с болью задело то, что у него во время революции «отняли дом, вклады в банк, автомобиль», его возмущали обыски в квартире, грубость, невежественность, оскорбления со стороны советских работников, проявления неоправданной жестокости. Он слышал, как Зиновьев, к которому он пришел за помощью, говорил по телефону: «С ним церемониться не надо. Принять самые суровые меры... Эта сволочь не стоит даже хорошей пули...». Впоследствии он посчитал, что в результате революции «свобода» превратилась в тиранию, «братство» — в гражданскую войну, а «равенство» привело к принижению всякого, кто смеет

Александр ОГНЕВ

ГДЕ МОЙ ТЕАТР?

Лит. Россия. — 1998. — 18 сент. — с. 14

поднять голову выше уровня болота». Страшно обидело, покорило Шалаяпина то, что в то время болезни и его друзья, и те, кто был с ним вместе в театре, не интересовались его состоянием. 29 июня 1922 года он дал последний на родине дневной бесплатный концерт для рабочих и студенчества Петрограда. Как рассказывает заслуженный деятель искусств РСФСР Б. Филиппов, студенты «в тот день на руках перенесли его до порога «Европейской» гостиницы, где он временно остановился». Вечером он уезжал на пароходе и уже знал, что не скоро он возвратится на Родину, а в действительности оказалось, что только прах его будет похоронен на Новодевичьем кладбище.

Д О КОНЦА своей жизни Шалаяпин не принял иностранного подданства, оставался русским гражданином. В письмах своим детям он призывал их помнить: «Новой России нужны сильные и здоровые честные работники во всех отраслях!!! На вас будет лежать ответственность за будущее нашей Родины»; «По России и по вас по всем скажу, конечно, ужасно, а с другой стороны, необходимость заработать деньги заставляет меня сидеть здесь в Европе». Острая, до боли сердечной тоска по Родине преследовала Шалаяпина. Он скучал «о простом, родном сеновале, где так незаметно попохивает сеном, о русском озере и лесе русском», а иногда «о простом русском мужике, том самом, о котором наши утонченные люди говорят столько плохо...». На чужбине ему вспоминались детские годы в деревне Ометово (она была в шести верстах от Казани), венчанье в сельской церкви с первой женой, молодой итальянской артисткой Тарнаги. День тогда — в 1898 году — был жаркий, и молодожены ночевали на сеновале. Глаза Шалаяпина наполнились слезами, когда дочь Ирина во время последней встречи в Париже стала читать по его просьбе стихи Есенина: «Отговорила роща золотая...»

Шалаяпин всей душой рвался на Родину, но решительного шага так и не сделал. Немалую роль в этом сыграли огромные гонорары, которые он получал за свои концерты за границей. С деньгами он связывал свободу, считая, что «с ними меньше унижения». У него была большая семья, Ирина Федоровна писала: «Отец всегда боялся бедности — слишком много видел он нищеты и горя в

свои детские и юношеские годы. Он часто с горечью говорил: «У меня мать умерла от голода». Очень беспокоили, тревожили самолюбивого, привыкшего к славе и преклонению Шалаяпина и думы о том, как встретит его новая советская публика, не покажется ли он ей «устаревшим, отжившим», и потому говорил Ирине: «Не примут они, пожалуй, меня». Весьма существенную роль в том, что Шалаяпин откладывал свое возвращение на Родину, сыграли тревожные вести из России, которые настораживали его, свидетельствовали о подавлении там свободы, о невыносимом положении интеллигенции и крестьянства. Рассказывая о своих осложнившихся отношениях с Горьким в начале 30-х годов, он писал: «И ведь все эти русские мужики, Алексеевы, Мамонтовы, Сапожниковы, Третьяковы, Морозовы, Шуклины — какие все это козыри в игре нации. Ну, а теперь это — кулаки, вредный элемент, подлежащий беспощадному искоренению. А я никак не могу отказаться от восхищения перед их талантами и культурными заслугами. И как обидно мне знать теперь, что они считаются врагами народа, которых надо бить, и что эту мысль, оказывается, разделяет мой первый друг Горький». Отрицательную роль в судьбе Шалаяпина сыграла целенаправленная травля его в советской прессе, в ней был подло использован случай, когда он пожертвовал деньги остро нуждающимся детям русских эмигрантов, после чего некий С. Симон и писатель М. Кольцов пустили в ход гнусные издевки и клеветнические измышления в печати, — и в 1927 году Шалаяпина лишили звания Народного артиста. Кольцов продолжал злорадно глумиться над Шалаяпиным и в дальнейшем, издвигаясь отозвался на его книгу «Маска и душа», вышедшую в 1932 году за рубежом.

Очень решительно противились возвращению Шалаяпина домой и эмигрантское окружение, и его вторая жена Мария Валентиновна (урожденная Элухен), по первому мужу Петцольд. Энергичная, целеустремленная, с сильным характером, она внесла «в сумбурную, кочевую жизнь артиста... определенную упорядоченность; в трудные минуты, которых у Шалаяпина было немало, стала ему серьезной опорой» (В. Дмитриевский). Это было важно для жизни Шалаяпина, так как его характер не был лишен безалаберности. Вместе с тем необходимо отметить и другое: Мария Валентиновна стала одним из главных препятствий, мешающих ему возвратиться на Родину. В 1929 году Горький встречался в Риме с Шалаяпиным и посоветовал ему съездить в СССР, посмотреть на строительство новой жизни и выразил уверенность, что, увидев все это, он захочет остаться там, после чего она заявила мужу: «В Советский Союз ты поедешь только через мой труп» (эти слова Горький воспроизвел в одном из писем Р. Роллану). Весной 1935 года Е. П. Пешкова побывала у Шалаяпина в Париже и передала ему слова Горького: «Увидишь Федора, скажи ему: пора ему вернуться домой, давно пора!» Услышав это, Шалаяпин очень обрадовался, выразил желание возвратиться в Россию, но Мария Валентиновна решительно запротестовала: «Куда ты такой больной поедешь? Я с тобой не поеду». В ноябре 1935 года он просил А. Давыдова, уезжающего из Парижа в Ленинград, повидаться с Горьким и сказать: «Пусть он теперь позовет меня. Тогда я все брошу и приеду немедленно. Скажи Алексею Максимовичу, что тоска моя по Родине безгранична, что узы нашей с ним дружбы не могут быть порваны, ибо это равносильно преждевременной смерти». Но в это время Горький тяжело болел и находился в Крыму. О своем состоянии после известия о его смерти Шалаяпин писал: «Едва ли я смогу передать силу этого страшного удара хлыстом». Он прислал дочери Ирине телеграмму: «Передай Екатерине Павловне следующее: потрясен, прочитав ужасающую телеграмму. Всех Вас всегда обожал, пусть будут с Вами силы и здоровье. Федор Шалаяпин».

М ЕЧТА Шалаяпина вернуться домой осталась нереализованной. Но до самой смерти он живо интересовался всем тем, что происходило на Родине. В январе 1938 года он писал дочери: «... что за великолепный народ все эти Папанины, Водополюхи, Шмидты... я чувствую себя счастливым, когда сознаю, что на моей Родине есть такие удивительные люди. А как скромные! Да здравствует славный народ российский!!!» Тоскуя по Родине, он сожалел, что давал концерты не в России: «Я не понимаю, — говорил он в минуту душевных переживаний, — почему я, русский человек, русский артист, должен выступать за границей. Как бы тонок ни был иностранец, но лучше, чем русский человек, он меня не оценит. В России меня понимала и ценила по-настоящему галерея. Там была моя настоящая публика. Для нее я и пел. А здесь, за границей, и галерки-то нет...» Шалаяпин осознавал, что на чужбине он сделал намного меньше, чем мог бы сделать на Родине, где у него была возможность создать свой театр, свою школу, к чему он так долго и горячо стремился. «Я искренне думал и думаю, — признавался он, — что мой талант, так великодушно признанный современниками, я наполювину зарыл в землю, что Бог отпустил мне многое, а сделал мало. Я хорошо пел. Но где мой театр...»

г. ТВЕРЬ